

«На порогъ великихъ событий» или «Цѣнь любви и преступленій», комедія-фарсъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе первое, явленіе первое: Машурочкинъ и Сухогорѣловъ...
Начинается чтеніе только что разыгранной пьесы...
Пьеска разыгрывается превосходно. Особенно хорошъ г. Свѣтловъ, исполняющій роль драматурга. Его набрасыванья на письменный столъ — каждый разъ, когда голову Сухогорѣлова посетитъ какая-нибудь «счастливая» мысль, возвращеніе на дачу, ночью, послѣ нападенія мазуриковъ (злѣдѣ отняли все... кромя драгоценнаго манускрипта) и, особенно, сцена воображаемаго успѣха пьесы, когда Сухогорѣловъ будетъ откланиваться на вызовы: «автора, автора!» — сдѣланы великолѣпно. Публика съужла оцѣнить работу талантливаго артиста: вѣсто воображаемыхъ аплодисментовъ, г. Свѣтлову довелось услышать настоящія, дѣйствительныя рукоплесканія: моментъ, въ которомъ зрители слились съ актеромъ въ исполненіи пьесы...
Изъ любезности къ подругѣ - бенефицианткѣ, г-жа Мартынова взяла на себя небольшую и не особенно благодарную роль. Остальные исполнители смѣшили публику до упаду.
Въ головѣ спектакля шла одноактная шутка г. Ант. Чехова «Медвѣдь».
Это — ходульная, но, въ то-же время, чрезвычайно ловко написанная вещица, — талантливый гротескъ, не требующій отъ зрителя ничего, кромя добраго расположенія духа.
Какъ авторъ коротенькихъ рассказцевъ, г. Чеховъ имѣетъ крупный успѣхъ среди читающей публики; на-оборотъ, его «большія» вещи не имѣли успѣха ни въ публикѣ, ни среди рецензентовъ. Та-же участь постигла его и на сценѣ: громоздкая и притязательная комедія его «Ивановъ» провалилась; «Медвѣдь» имѣлъ и будетъ имѣть успѣхъ — какъ очень милый пустячокъ, услаждающій нетребовательную публику; я говорю — нетребовательную, потому что имѣю дѣло съ публикой теа-

тра Борша. Я увѣренъ, что г. Чеховъ и не мечталъ заявиться съ этимъ пустячкомъ на сценѣ театра, смыслъ существованія котораго исчерпывается высокопробнымъ репертуаромъ, а не матеріальной стороной дѣла, не сборами...
Въ «Медвѣдѣ» сказывается слабая сторона автора, какъ драматурга: онъ «манерничаетъ», «ломается»... Какъ въ «Ивановѣ», онъ угостилъ насъ неестественнымъ выходомъ какого-то «винтера», сокрушающагося о потерянной взяткѣ, такъ и тутъ: лишняя осьмушка овса, которую неутѣшная вдовица приказываетъ дать любимой лошади покойнаго мужа и которую она отгѣняетъ послѣ того, какъ воинственный сосѣдъ завоевываетъ ея сердце (veni, vidi, vici!), — прямо таки комична!
Въ послѣднемъ письмѣ я вскользь коснулся лермонтовскаго «Маскарада», преподнесеннаго москвичамъ г. Лепскимъ (коршевскимъ). Теперь — нѣсколько детальныя ремарочки.
Много лѣтъ назадъ, въ Секретаревскомъ театрѣ, мнѣ довелось видѣть сцену изъ «Маскарада» въ совершенно исключительной обстановкѣ. Роль Арсенина игралъ свѣтлѣйшій князь Е. И. Грузинскій, Нины — г-жа Фіодотова. Будуаръ Нины сіялъ чисто царскою роскошью: тутъ были и фарфоровая мебель, и персидскіе ковры, и старая бронза, — роскошь, принесенная на сцену изъ дома царевичей грузинскихъ. Какъ жалокъ, убогъ и неуклюжъ показался мнѣ будуаръ Арсениной-Рыбчинской, — съ дешевенькими обоями, безъ ковра, съ потертой мебелью! Для маскараднаго зала дана шикарная декорация г. В—ца, но ее обезобразили холщевыми канделябрами бр. Феоктистовыхъ.
Исполненіе, какъ я сказалъ уже, неважное. Г. Ленскому можно дать добрый совѣтъ — не браться за стихотворныя роли. Г. Лавровскій (Звѣздичъ) игралъ какого-то армейскаго «штыкъюнкера», а г. Рошинъ (неизвѣстный) — не то тѣнь Ванко, не то тѣнь отца Гамлета... Г. Шидтгофъ слишкомъ добродушенъ для роли проныры Шприха. Г. Свѣтловъ все время расгѣвалъ дуты (бс...)

XII.

(А.П. Лукин)